

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Динамика факторов протестных практик населения Украины

Abstract

The article tracks the dynamics of protest practices in Ukrainian society in a period after so called "Orange revolution". The author selects the structural, socio-psychological and resource mobilization approaches to explanation of the protest behavior factors. Upon this ground, these factors are aggregated in two explanatory models. Structural factors form the model of social disruption. At the same time the resource mobilization and socio-psychological factors in a ensemble form the model of civil voluntarism. The author advances two hypotheses about the factors of the protest practices determination. In order to clarify these hypotheses he applies the method of binary logistic regression. An analysis has prove that civil activity caused by events of "Orange revolution" was conditioned by regional and geopolitical dissidences, but later on the protest practices were determined mainly by resource and sociopsychological stimuli. The results of analysis reveal that the value and world view stratification of society has not influenced the protest behavior. This developments can explain to some extent the absence of serious social conflicts in Ukraine.

Введение

Стабильность любого общества зависит от соотношения между уровнем гражданской активности населения и уровнем политической институционализации. В случае роста гражданской активности сохранение стабильности общества зависит от соответствующего развития политических институтов и процедур, обеспечивающих легитимные каналы взаимодействия населения с политической системой. Ценностно-мировоззренческое расслоение украинского общества, которое накладывается на региональные, геополитические и электоральные приоритеты, в 1990-х годах не приводило к конфронтационному поведению, поскольку общество главным образом было сосредоточено на экономическом выживании. Феномен двойной институционализации об-

щества обусловил политическую пассивность граждан. Баланс политических и экономических группировок поддерживался не только формальными нормами, образующими его правовое поле, но и дополнялся динамичной системой неформальных норм и системой принудительного арбитража политического режима, опиравшегося на сильную президентскую власть. Все это способствовало относительной стабильности в обществе.

Смена политического режима спровоцировала перманентное реформирование политической системы и борьбу элитных группировок, дестабилизацию в функционировании ветвей власти. Активизировались противоречия политических элит в отношении важных аспектов реформирования в экономической, гуманитарной и внешнеполитической сферах. Это наложило определенный отпечаток на восприятие обществом будущих путей развития Украины и углубило ценностно-мировоззренческое расслоение. В свою очередь, социальные ожидания, связанные со сменой власти, обусловили вспышки гражданской активности населения. Обнажилась неспособность формальных норм самостоятельно служить правовым полем решения острых социально-политических конфликтов, что обычно ведет к политической нестабильности и усилению агрессивной конфронтации. Однако низкий уровень политической институционализации власти и некоторое повышение уровня гражданской активности населения не привели к существенной дестабилизации общества.

Это требует более детального анализа протестных форм гражданской активности, имеющих перманентный характер, а именно неконвенциональных общественно-политических практик как *систематических, воспроизводимых и постоянных действий населения в общественно-политической сфере*. То, что общественно-политические преобразования в Украине происходят в условиях социальной аномии, частой смены власти, постоянного реформирования политических институтов, несформированности партийной системы, неразвитости институтов гражданского общества, свидетельствует о продолжающемся переформатировании политических норм и ролей как элиты, так и населения. В итоге возникает неинституционализированное пространство, которое может быть творчески усвоено неформальными практиками инновационного характера. Это будет обуславливать либо воспроизводство и стабилизацию социальной системы, либо ее дезинтеграцию. В таких условиях крайне важно обратить внимание на существующие протестные практики, поскольку знание их факторов и механизмов позволит прогнозировать содержание и характер дальнейшего освоения неинституционализированного пространства, предотвращать развитие социальных конфликтов и способствовать стабилизации общества.

Исследование общественно-политических практик требует фиксации осуществляемых поведенческих актов. Речь идет о действиях, совершившихся в прошлом и не зависящих в момент опроса от настроений респондента, его оценки и других субъективных факторов, способных повлиять на объективность картины жизни личности. В методологическом плане изучение общественно-политических практик требует сравнительных или мониторинговых исследований, поскольку устойчивость и воспроизводимость фактических действий можно зафиксировать лишь при условии наблюдения эффекта длительных тенденций поведения отдельных группировок, регулярно попадающих в выборочную совокупность. Другим способом отли-

читать гражданские практики от случайных феноменов является анализ их факторов. К тому же выяснение иерархии факторов и сравнение ее в динамике также дает возможность установить характер воспроизводимости и постоянства стимулов гражданских практик.

Теоретические подходы

Несмотря на большое количество теоретических подходов к объяснению механизмов и факторов протестного политического поведения, в современных эмпирических исследованиях выделяется всего несколько подходов, имеющих практическое значение. Среди них можно условно выделить структурный, социально-психологический и ресурсно-мобилизационный.

Структурный подход сосредоточен на социальных расколах, возникающих в результате противоречий между интересами больших групп людей, вызываемых социальной стратификацией по разным признакам. Теория социальных расколов (С.М.Липсет и С.Роккан) исходит из того, что политическое поведение людей обусловлено не сознательными политическими предпочтениями, а принадлежностью к большим социальным группам, которые образовались вследствие ряда отличий, а то и социальных конфликтов. Эти отличия, в частности в Западной Европе, возникли в результате модернизационных процессов, размежевавших центр и периферию, государство и церковь, город и село, собственников и наемных работников. В свое время институционализированные размежевания создали некую структуру политических предпочтений граждан [Lipset, Rokkan, 1985]. То есть детерминация политического поведения обусловлена проявлением солидарности и идентификации с группой. Ученые также обращают внимание на существование новых “размежеваний”, “расколов”, “разделений”, “отличий”. Образующие на этой основе группы также могут быть религиозными, этническими, языковыми, миграционными, региональными, поселенческими и классовыми [Deegan-Krause, 2007]. Социальные расколы могут провоцироваться и другими социокультурными измерениями, например геополитическими, историческими и др. В рамках парадигмы “новых социальных движений” появились работы, авторы которых провозгласили исчерпанность прежних социальных движений (рабочих), понимаемых в контексте марксистского мировоззрения. Среди “новых” социальных движений выделяются региональные, расово-этнические и языковые, антивоенные и антиядерные, экологические и феминистские движения и движения в защиту контркультуры или определенного стиля жизни [Смелзер, 1995: с. 62]. Появились также исследования, изучающие “структуру политических возможностей” для разных социальных групп [Kriesi et al., 1995].

Особо следует отметить мультикультурные общества, в которых доступ к социальным ресурсам создает конфликтную ситуацию. История полна примеров, когда структурные размежевания приобретали статус первостепенных факторов разного рода социальных конфликтов, гражданских войн, восстаний и т.п. В частности, в отличие от стран Западной Европы, в Центральной и Восточной Европе формирование современных наций и институционализация политических систем происходили через национализм. В таких многонациональных обществах, где этнические различия институционализировались местными правительствами, элитами, прежде всего на Балканах и на территории бывшего Советского Союза, мобилизация социаль-

ных движений, переросших в конфликты, происходила по этническим, языковым и религиозным причинам. Но и в западноевропейских обществах, где существуют весомые этнические или религиозные меньшинства, время от времени вспыхивают конфликты (Северная Ирландия, Страна Басков, Бельгия). Распространение миграционных проблем, угроза терроризма обуславливают новые социальные расколы, когда обострение этнических, расового, религиозного или языкового факторов может оказаться решающим в протестных действиях.

Социально-психологический подход к изучению гражданского действия акцентирует внимание на внутриличностных факторах и возможностях самоактуализации человека в социальной жизни. Эмпирическое подтверждение получили концепции политической вовлеченности, имеющие социально-психологическую наполненность (политический интерес, политическая эффективность, политическая идентификация и т.п.). В частности, политическую эффективность определяют через ощущение того, что индивидуальное политическое действие оказывает или будет оказывать влияние на политический процесс. Исследование Р.Даля является одним из первых, где продемонстрирована позитивная корреляция между политической эффективностью и интенсивностью участия в местных делах [Dahl, 1961: p. 287–289].

На влияние личностных характеристик на гражданскую активность указывают Л.Милбрат и В.Кляйн, которые выделяют три группы факторов: социабельность (легкость и непринужденность в социальных взаимодействиях), склонность к доминации (способность руководить, настойчивость), самоуважение (высокая самооценка, уверенность в своих силах). Они доказали существование корреляции между самооценкой и уровнем политического участия. Политической апатии, по их мнению, следует ожидать среди нелюдимых, сдержанных, не уверенных в себе людей, тогда как открытые, активные и компанейские люди проявляют значительно большую активность и в вопросах политики [Milbrath, Klein, 1962]. С.Реншон, со своей стороны, описывает связь между уровнем ощущения собственного контроля над окружающей ситуацией и вовлеченностью в политику. Люди с высоким уровнем контроля подобного рода склонны участвовать в конвенциональных политических действиях, а низкий уровень ощущения или отсутствие контроля ведут к отчуждению или склонности к неконвенциональным формам [Renshon, 1974: p. 125].

Теория мобилизации ресурсов начиная с конца 1960-х годов доминирует в объяснении детерминант социальных движений и гражданской активности. Этот подход выкристаллизовался в работах Дж.МакКарти, М.Залда, Р.Эша, В.Гемсона, Ч.Тилли. Согласно этой теории, общественные движения не стоит объяснять вовлечением недовольных и отчужденных маргиналов в ряды сторонников иррациональных и нерациональных “идеологий” [Смелзер, 1995: с. 61; Jenkins, 1983]. Общественные движения следует рассматривать как целенаправленные меры, которые зависят от эффективности накопления ресурсов (денег, доступа к СМИ, статуса, навыков, образования, знаний, связей и т.п.) для развития гражданской активности и социальных движений [McCarthy, Zald, 1977]. Теория мобилизации ресурсов предполагает, что в современных плюралистических обществах протест становится обычным явлением, поскольку всегда существует недовольство. Это, в свою очередь, нивелирует важность факторов неудовлетворения, поскольку плюрализм делает их повсеместными. Акторы, решившие принять участие в граж-

данском действии, рациональны, они взвешивают затраты и выгоды от участия (данное соображение, безусловно, связано с влиянием теории рационального выбора). Продолжительность и характер участия зависят от содержания накопленных ресурсов и положения индивида в социальных сетях.

Основой теории мобилизации ресурсов стал социоэкономический подход, при котором под стимулом понимают прежде всего социоэкономический статус, традиционно определяющийся как производный от дохода, профессии, уровня образования и т.п. [Verba, Nie, Kim, 1979: p. 64–67]. Высокий уровень социоэкономического статуса обеспечивает преимущества человеку, поскольку гарантирует овладение необходимой информацией, навыками и компетенцией. К тому же это способствует усвоению необходимых норм и моделей политического поведения (включая чувство гражданского долга), которые могут выступать мотивами вовлечения личности в политику, что позволяет получить опыт и необходимую поддержку со стороны официальных структур. Высокий социоэкономический статус обусловлен распределением социальных ресурсов, таких как: образование, открывающее доступ к информации; деньги, наличие которых высвобождает время для занятия политикой; высокий социальный статус и престиж, к носителям которых власти прислушиваются охотнее; и наконец, некоторые поведенческие навыки, например способность грамотно излагать свои требования в доступной манере, приемлемой для политиков и бюрократов. Разумеется, все эти ресурсы сосредоточены в руках социально привилегированных слоев населения. Дополнительным ресурсом являются также возрастные особенности: замечено, что в неконвенциональных практиках задействованы более молодые люди, поскольку более зрелые приобретают собственность, достигают карьерных успехов и создают семью, поэтому для них увеличивается “стоимость” вопроса. Риск утратить достигнутое, подвергнуть опасности собственную семью в основном удерживает человека от решительных и нелегальных шагов.

Подход, вобравший достижения теории мобилизации ресурсов и социально-психологических факторов политической вовлеченности, воплотился в продолжительных эмпирических исследованиях С.Вербы, К.Л.Шлоцмана и Г.И.Брейди. Изучая проблему стратификации политической активности, они использовали *модель гражданского волонтаризма* (Civic Voluntarism Model). Базовыми факторами этой модели стали *ресурсы, мотивация и мобилизация*. Ресурсами являются время, деньги и гражданские навыки. Эти ресурсы человек приобретает в процессе социализации через семью, школу, место работы, добровольные организации, религиозные учреждения и т.п. Гражданские навыки включают коммуникационные и организационные способности, позволяющие гражданам эффективно использовать деньги и время в гражданской деятельности. Мотивацию определяет совокупность психологических стимулов, побуждающих к участию (политический интерес, политическая эффективность, чувство гражданского долга, партийная идентификация и т.п.). Мобилизация трактуется как побуждение к участию в гражданских акциях [Verba, Schlozman, Brady, 1995: p. 269–273; Верба, 2005]. Эти три фактора взаимно усиливаются и дают кумулятивные политические преимущества их носителям. Однако исследование доказывает, что хотя определенную роль играют и мотивация, и ресурсы, тем не менее недостаток ресурсов в гораздо большей степени препятствует активности, чем недостаток мотивов.

Исследования социальной активности и протестного поведения населения Украины фиксируют преобладание определенного типа факторов в зависимости от этапа развития украинского общества. Еще в советские времена эмпирическим путем было доказано влияние преимущественно ресурсно-мобилизационных факторов на социальную активность населения. В.Оссовский обнаружил существенную статистически значимую связь влияния таких факторов, как уровень квалификации, уровень зарплаты, стаж работы, уровень образования, возраст, пол, партийность и навыки участия в социалистических соревнованиях, на социальную активность киевских рабочих [Оссовский, 1973: с. 74]. Однако в конце 1980-х годов приобрели влияние совсем другие факторы. Опрос группы давления возле Верховной Рады УССР ($N = 152$), проведенный в 1990 году, показал, что государственный суверенитет и демократизация занимали первые места в ранговом распределении политических требований и приоритетов [Общественное мнение и власть, 1993: с. 80]. Репрезентативные социологические исследования накануне обретения независимости Украины свидетельствовали о том, что склонностью к неконвенциональным формам протеста более всего выделялось население Галичины, Киева, а также молодежь. Другими факторами оказались самооценка социального статуса и стремление поддерживать оппозиционных лидеров [Панина, 1993].

Согласно социологическим исследованиям первой половины 1990-х годов среди причин возможного участия населения Украины в акциях протеста доминировали проблемы выживания [Головаха, 1997: с. 61–64; Бекешкіна, 1994: с. 37–40; Бекешкіна, 1993; Міщенко, Бузов, 1998: с. 100]. В одном из социологических исследований в начале 1990-х годов респонденты отмечали существование социальной напряженности между такими социальными группами, как бедные и богатые, между сторонниками различных политических партий, наконец, между большинством народа Украины и руководством [Небоженко, 1994]. Исследования конца 1990-х — начала 2000-х годов фиксируют тенденцию идеологических размежеваний в отношении протестных настроений. Так, протестный потенциал преобладал среди людей с левой идеологической ориентацией: приверженцы социализма в большей мере, чем сторонники капитализма, декларировали свое согласие участвовать в митингах и демонстрациях протеста [Головаха, Панина, 1999; Головаха, Панина, 2001: с.188–200].

Вместе с тем сравнительный анализ (1994–2004) региональных особенностей протестных установок показал, что по сравнению с 1994 годом в 2004-м увеличилась доля социально пассивных граждан в Северо-Восточном регионе и АР Крым, тогда как в Западном регионе, наоборот, она заметно уменьшилась. В то же время среди жителей Западного, Юго-Западного и Северного регионов существенно возросло количество тех, кто выражал готовность участвовать в законных митингах и демонстрациях [Стегній, 2004].

В дальнейшем выделение регионального размежевания с его этнокультурными особенностями дало основания рассматривать эти события как определенный этап этнополитического процесса в обществе. В частности, существует мнение, что причины современного электорального раскола Украины кроются в проявлениях исторической идентичности, поэтому Оранжевая революция оказалась не столько демократической, сколько культурно-этнической [Головаха, Панина, 2006: с. 50]. Региональная поляризация, проявившаяся на президентских выборах 2004 года, сохранилась на следующих пар-

ламентских выборах 2006 года и внеочередных парламентских 2007 года. Электоральные предпочтения населения областей, которые поддержали в 2004 году В.Ющенко, и далее сохранялись, тяготее к политическим силам, считавшимся “наследниками” Майдана. Население областей, которые голосовали за В.Януковича, наоборот, отдавало предпочтение антиющенковским политическим силам [Оксамитна, Хмелько, 2005; Колодій, 2006: с. 69–91]. Кроме электорального раскола влиятельными оказались этнические, языковые различия, геополитические предпочтения и позиции по вопросу русского языка [Сподівання на іншу Україну, 2005; Хмелько, 2006; Резник, 2005].

Среди других социально-демографических факторов гражданской активности выделяются поселенческие различия. С.Макеев, применив статистический анализ, выявил поселенческую стратификацию жизненных шансов. Неравный доступ городских и сельских жителей к материальным и социальным благам обуславливает и разные притязания. Если горожане констатируют доступность бытовых благ, то жители сел и малых городов живут перспективой восходящей социальной мобильности для себя или для своих детей, чтобы получить эти блага [Макеєв, 2006]. В.Сусак обнаружил влияние поселенческого фактора на проявление экстернальности/интернальности (локус контроля). По мере увеличения размера населенного пункта возрастает уровень интернальности (надежда на собственные возможности и ресурсы) [Сусак, 2009: с. 133]. Замечена также тенденция роста индекса возможности выступлений населения в защиту своих прав с увеличением размера населенного пункта [Піддубний, 2005: с. 281].

Возвращаясь к причинам событий конца 2004 года, нужно обратить внимание и на другие объяснения. Доминирование политической подсистемы над всеми остальными социальными институтами (включая экономику) в институциональной макроструктуре украинского общества и рост процента предпринимателей, которые вынуждены были находиться в тени, породили сопротивление. Активную поддержку Майдана со стороны группы средних предпринимателей и собственников, для которых главными побудительными факторами протеста были стремление к свободе экономической деятельности и либерализации экономики, повлекло за собой ощущение опасности для собственного бизнеса, учитывая угрозу поглощения его криминальным капиталом. Вместе с тем опыт участия в приватизации обогатил эту группу навыками просчитывания рисков и последствий активных действий в постсоветской экономике, что, безусловно, можно считать ценным социальным ресурсом. Если вклад студенчества был самым крупным в форме непосредственного участия в акциях протеста, то материальная и финансовая помощь была наиболее ощутимой со стороны предпринимателей. Анализ по типу занятости групп населения среди участников Оранжевой революции позволил Е.Симончук назвать эти события “восстанием среднего класса” [Симончук, 2005].

Вместе с тем П.Тамаш обращает внимание на то, что накануне Оранжевой революции обострился конфликт между молодыми образованными средними слоями крупных городов и постноменклатурной элитой. В результате модернизации “в молодежных кругах, особенно в крупных городах, сформировался слой, который по своему мировоззрению, степени образованности и владения украинским языком уже радикально отличается от того образа, который являет общественности постноменклатурная элита” [Тамаш,

2007: с. 8]. В итоге политическая элита не смогла удержать под контролем культурный процесс, который стал оппозиционным действующей власти.

Нужно отметить, что динамика ценностных приоритетов граждан Украины накануне Оранжевой революции, зафиксированная в исследованиях Института социологии НАН Украины, свидетельствовала о постепенном усилении модернизационного потенциала общественных ценностей и самореализации [Ручка, 2004]. К тому же мониторинговые исследования фиксировали рост уровня политической идентификации: если в 1990-х годах доля неидентифицируемых граждан (тех, кто не выбрал ни одного политического течения) превышала 60%, то начиная с 2002 года наблюдается резкое снижение их на 15–20% [Головаха, Паніна, 2008: с. 10]. Одновременно более выразительными стали существенные изменения показателей политической эффективности. Если в середине 1990-х годов доминировали установки на сохранение любой ценой порядка, мира и согласия, то в 1997–1998 годах в определенной мере возросли ориентации на активный протест против постоянного ухудшения условий жизни. И только после президентских выборов 1999 года показатель терпения временно не очень ощутимо, но превысил показатель протеста. Однако начиная с 2001 года, после вспышки “кассетного скандала”, показатели протестных установок возросли и затем не снижались далее отметки 40% [Головаха, Паніна, 2008: с. 17]. Вместе с тем постепенно, хоть и ненамного, выросла уверенность в существовании возможности влияния граждан на власть в ответ на нарушение их прав и интересов, особенно на местную [Головаха, Паніна, 2008: с. 16].

Таким образом, проведенные исследования объясняют гражданскую активность в украинском обществе по трем обозначенным типам факторов (структурных, ресурсных и социально-психологических). Среди структурных факторов, которые охватывают все возможные линии ценностно-мировоззренческого расслоения украинского общества, можно выделить поселенческий, региональный, этнический, языковой (родной язык), этнополитический (вопрос русского языка), геополитический и идеологический. Ресурсные факторы — возраст, социоэкономический статус (доход, образование, наличие работы), активные навыки (коммуникационные и организационные способности — дополнительная или общественная работа, самосовершенствование и компьютерная грамотность), участие в приватизационных процессах. Среди социально-психологических стимулов политической вовлеченности выделяются интерес к политике, политическая эффективность, чувство гражданского долга и политическая идентификация. Все эти факторы были сведены в две объяснительные модели: структурные факторы образуют модель социальных расколов, а ресурсные и социально-психологические объединены в модель гражданского волонтаризма, на основании разработок С.Вербы, К.Л.Шлоцмана и Г.И.Брейди.

Гипотезы

В рассмотрении факторов неконвенциональных общественно-политических практик населения Украины следовало выяснить, что важнее для формирования протестной активности — ценностно-мировоззренческое расслоение или гражданский волонтаризм. Исходя из результатов упомянутых выше исследований, попытаюсь выдвинуть следующие гипотезы:

- 1) протестные общественно-политические практики в большей мере зависят от имеющихся в украинском обществе социальных расколов, вызванных историческим развитием, а именно поселенческими, этнокультурными, идеологическими и геополитическими различиями (модель социальных расколов);
- 2) протестные общественно-политические практики в большей мере обусловлены имеющимися социальными ресурсами и политическими стимулами (модель гражданского волонтаризма).

Описание данных

1. Массив эмпирических данных социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Украины в марте 2005 года. Социологический мониторинг Института социологии Национальной академии наук Украины осуществляется ежегодно с 1994 года (разработчики программы — Н.Панина и Е.Головаха). С 2002 года специальной комиссией (В.Ворона, Н.Панина, Ю.Саенко, Е.Головаха, К.Грищенко, А.Ручка, В.Тихонович, Н.Шульга, Е.Лысенко) разработана обновленная система социальных показателей. После 2006 года мониторинг проводится раз в два года. Выборочная совокупность каждого опроса в среднем составляет 1800 человек и репрезентует взрослое население Украины (в возрасте от 18 лет). По типу построения выборка трехступенчатая, стратифицированная, случайная, с квотным скринингом на последней ступени (авторы выборки: Н.Панина, Н.Чурилов). На первой ступени осуществляют отбор населенных пунктов (точек опроса), на второй — отбор адресов (исходных точек маршрута), на третьем — отбор респондентов. Квотный скрининг на последней ступени дает возможность в подвыборках каждой области Украины сохранять пропорции населения по типу поселения (областной центр/город/село), полу, возрасту и уровню образования, характерным для определенной области и определенного типа населенного пункта.

2. Массив социологических данных общенационального репрезентативного омнибуса “Общественное мнение в Украине — 2006”, проведенного Институтом социологии НАН Украины в апреле–мае 2006 года (координатор проекта — А.Стегний). Методом раздаточного анкетирования по месту постоянного проживания опрошено 1800 респондентов, которые по своим социально-демографическим характеристикам (пол, возраст, уровень образования) и типу поселения репрезентуют взрослое население Украины в возрасте от 18 лет.

3. Массив социологических данных общенационального репрезентативного омнибуса “Общественное мнение в Украине — 2007”, проведенного Институтом социологии НАН Украины в мае 2007 года (координатор проекта — А.Стегний). Методом раздаточного анкетирования по месту постоянного проживания опрошено 1800 респондентов, которые по своим социально-демографическим характеристикам (пол, возраст, уровень образования) и типу поселения репрезентуют взрослое население Украины в возрасте от 18 лет.

4. Массив социологических данных общенационального репрезентативного омнибуса “Общественное мнение в Украине — 2009”, проведенного Институтом социологии НАН Украины в марте 2009 года (координатор проекта — А.Стегний). Методом раздаточного анкетирования по месту по-

стоянного проживания опрошено 1800 респондентов, которые по своим социально-демографическим характеристикам (пол, возраст, уровень образования) и типу поселения репрезентуют взрослое население Украины в возрасте от 18 лет.

Процедура и методика исследования

Для объяснения выдвинутых выше гипотез, касающихся факторов детерминации протестных общественно-политических практик с учетом некоторых других показателей на основе данных была применена модель бинарной логистической регрессии. Этот метод позволяет изучить влияние выделенных факторов на зависимую дихотомическую переменную. В качестве зависимой переменной использовалась дихотомическая переменная “участие в неконвенциональных общественно-политических мероприятиях”, которая принимает значение от 1 для группы участвовавших хоть бы в одном протестном мероприятии до 0 для группы тех, кто ни в одном из таких мероприятий не участвовал.

В качестве независимых переменных обеих моделей рассмотрены следующие. Модель социальных расколов представлена такими переменными, как региональная поляризация, обусловленная президентскими выборами 2004 года; национальность; родной язык; статус русского языка; евразийские и европейские геополитические установки; идеологическое размежевание. Модель гражданского волонтаризма представлена ресурсными показателями (возраст, образование, доход, наличие работы, навыки, участие в приватизационных процессах) и социально-психологическими показателями политических стимулов (интерес к политике, политическая идентификация, политическая эффективность, чувство гражданского долга). Анализируя влияние моделей в каждом из массивов данных, я пытался воспроизвести независимые переменные как можно точнее. Но в одних случаях определенные показатели отсутствуют, в других — я использовал тождественные по классификации факторы (подробнее см.: *Приложения*).

Для объяснения влияния всех факторов в целом и каждого типа факторов отдельно проанализирован показатель Nagelkerke R Square, являющийся аналогом коэффициента детерминации в модели уравнения линейной регрессии, который показывает долю влияния всех предикторов модели на дисперсию зависимой переменной.

Для упорядочения факторов по относительной силе этих переменных влияния на зависимую дихотомическую переменную измерялась связь на основе коэффициента Пирсона (Pearson's R), который, кроме объяснения силы связи, объясняет еще и тип связи (от -1 до 1), а именно прямую, положительную или отрицательную, обратную связь. Наличие статистической связи прежде всего свидетельствует о его значимости, а именно о существовании отличий статистической независимости между двумя переменными. Принято считать (на основе определенного соглашения между исследователями), что значимость не должна сильно превышать значение $0,05$ [Горбачик, Сальникова, 2008: с. 65].

Обработка и статистический анализ данных осуществлены с использованием программных пакетов ОСА для Windows (автор — А.Горбачик) и SPSS.

Изложение результатов

Поскольку структура и стилевые формы общественно-политических практик обусловлены спецификой обществ, в которых они осуществляются, я воспользовался нормативным ранжированием разработанной Н.Паниной методики измерения уровня социальной напряженности в украинском обществе, основным показателем которого является “Индекс дестабилизационности протестного потенциала” (ИДПП). Основой вычисления ИДПП служили результаты экспертных оценок (100 экспертов — руководителей структур центральной исполнительной власти) разных форм социального протеста с учетом уровня их дестабилизационности. В итоге экспертные оценки степеней угрозы определенных акций протеста для социального порядка и стабильности, рассчитанные по 11-балльной шкале, ранжировали перечень акций социального протеста по уровню дестабилизационности [Головаха, Панина, 1999]. Шкала, построенная экспертным методом, имеет более абсолютный характер и отсылает респондентов к объективной норме, определенной экспертами.

Таким образом, результаты трех обследований дают возможность наблюдать динамику общественно-политических практик в годы интенсивных политических преобразований в Украине (табл. 1). Сравнивая результаты исследований, нужно иметь в виду, что после пика гражданской активности, вызванного президентскими выборами 2004 года, было неизбежно снижение вовлеченности населения в политические акции.

Привлекает внимание то, что среди населения Украины более распространены практики, связанные с предвыборными кампаниями. Парламентские выборы 2006 года в определенной мере продолжили существование политических сил и воспроизвели предыдущие методы агитации. Однако уже в следующем, 2007 году политическая активизация, вызванная роспуском парламента, не получила такого распространения, как в прошлом. Участие в подавляющем большинстве форм общественно-политических мероприятий ощутимо снизилось — почти вдвое. Особо ощутимым оказалось снижение показателей таких форм, как убеждение других в правоте своих политических взглядов, ношение политической символики и контактирование с политическими активистами. Вместе с тем в 2009 году несколько возросла такая новейшая форма гражданских практик, как рассылка сообщений политического содержания по мобильному телефону и по электронной почте. В целом произошло заметное снижение конвенциональных общественно-политических практик: 2006 — 33,3%, 2007 — 16,7%; 2009 — 13,5%.

Особенностью украинского общества является то, что низкие показатели конвенциональных форм не привели к росту неконвенциональных форм. Участие в неконвенциональных мероприятиях также ощутимо снизилось: 2006 — 17,2%, 2007 — 10,1%; 2009 — 8,7%. Анализируя динамику неконвенциональных практик, следует учесть тот факт, что в исследовании, проведенном Институтом социологии НАН Украины в марте 2005 года, всего 20,9% опрошенных утвердительно ответили на вопрос “Участвовали ли Вы в акциях протеста в период “оранжевой революции”?”. Согласно данным второй волны опроса Европейского социального исследования (ESS), которое проводилось в январе–марте 2005 года, 24% населения Украины в течение последних 12 месяцев принимали участие в неконвенциональных практиках. Если сравнить результаты второй (2005) и третьей (2007) волн опро-

сов ESS касательно такой формы неконвенциональных практик, как участие в санкционированных митингах или демонстрациях, то зафиксировано резкое снижение — соответственно 21,6% и 7,1% [Головаха, Горбачик, 2008]. Таким образом, в течение 2004–2009 годов происходит существенное снижение проявлений протестных практик.

Таблица 1

**Динамика ответов населения Украины на вопрос
“В каких общественно-политических мероприятиях
Вы лично участвовали в течение последних 12 месяцев?”, %**

		<i>Варианты ответа</i>		
		2006	2007	2009
<i>Конвенциональные практики</i>	Убеждал друзей, близких, знакомых в правоте своих политических взглядов	22,5	12,1	10,2
	Носил символику политического характера	7,8	1,7	2,1
	Вступал в контакт с официальными представителями власти	3,9	2,3	1,3
	Вступал в контакт с активистами политических организаций	6,3	2,7	2,7
	Принимал участие в работе предвыборных штабов	8,2	–	–
	Принимал участие в работе общественных организаций	–	2,9	2,4
	Рассылал сообщения политического содержания по мобильному телефону и по электронной почте	0,8	0,2	2,5
<i>Неконвенциональные практики</i>	Собирал подписи под коллективными обращениями	3,1	1,9	0,4
	Не покупал определенных товаров по политическим сообщениям	2,9	2,2	2,7
	Принимал участие в законных митингах и демонстрациях	7,9	4,9	4,0
	Принимал участие в голодовках протеста	0,3	0,2	0,2
	Принимал участие в бойкоте (отказывался выполнять решения администрации, органов власти)	0,2	0,3	0,4
	Принимал участие в несанкционированных митингах, демонстрациях или забастовках	0,6	0,3	0,6
	Пикетировал государственные учреждения	0,7	0,3	0,4
	Блокировал пути сообщения	0,2	0,2	0,4
	Принимал участие в захвате зданий государственных учреждений	0,1	0,1	0,1
	Другое	0,7	0,7	0,1
Ни в одном из подобных мероприятий участия не принимал	64,7	79,9	83,7	
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ЦЕЛОМ	35,3	20,1	16,3	
<i>Конвенциональные общественно-политические практики</i>	33,3	16,7	13,5	
<i>Неконвенциональные общественно-политические практики</i>	17,2	10,1	8,7	

Примечание: Сумма процентов превышает 100%, поскольку респондент мог выбирать несколько вариантов ответа.

Построение уравнения бинарной логистической регрессии влияния всех факторов в целом по массиву данных 2005 года на зависимую дихотомическую переменную участия в акциях протеста в период Оранжевой ре-

волюции весьма удачно, поскольку значение показателя Nagelkerke R Square достаточно высокое (0,399). То есть доля влияния всех факторов, которую можно объяснить на основании логистической регрессии, составляет 39,9%. Если проанализировать влияние каждой модели отдельно, то модель социальных расколов окажется самой влиятельной, поскольку объясняет 29,3% влияния предикторов на дисперсию зависимой переменной, тогда как модель гражданского волонтаризма объясняет 16,8% влияния предикторов (см. табл. 2).

Таблица 2

Логистическая регрессия для зависимой переменной “Участвовали ли Вы в акциях протеста в период “оранжевой революции”?”, 2005

Факторы	ВСЕГО		Модель социальных расколов		Модель гражданского волонтаризма	
	<i>B</i>	<i>Sig.</i>	<i>B</i>	<i>Sig.</i>	<i>B</i>	<i>Sig.</i>
Город/село	-0,062	0,821	0,138	0,567		
Региональная поляризация (2004)	1,877	0,000	1,563	0,000		
Национальность	0,620	0,221	0,633	0,170		
Родной язык	-0,147	0,735	-0,185	0,637		
Статус русского языка	-0,028	0,857	-0,061	0,665		
Евразийские геополитические установки	-0,069	0,664	-0,261	0,066		
Европейские геополитические установки	0,473	0,007	0,574	0,000		
Идеологическое размежевание	-0,308	0,277	-0,442	0,076		
Возраст	-0,015	0,084			0,023	0,000
Образование	0,095	0,403			0,055	0,328
Доход	0,000	0,640			0,000	0,383
Наличие работы	0,376	0,167			-0,014	0,923
Навыки	1,661	0,050			1,069	0,019
Интерес к политике	0,764	0,001			0,712	0,000
Политическая идентификация	0,880	0,007			0,840	0,000
Политическая эффективность	0,356	0,032			0,488	0,000
<i>Constant</i>	-6,47 0	0,000	-2,737	0,001	-3,450	0,000
<i>Nagelkerke R Square</i>	0,399		0,293		0,168	

Для выявления влиятельности факторов, включенных в модели, нужно прежде всего обращать внимание на значимость коэффициентов *Sig.*, а уже потом анализировать сами значения коэффициентов *B* построенных уравнений за каждый год опроса. Оказалось, что из всех факторов, включенных в

обе модели, на зависимую переменную влияют показатели региональной поляризации, европейских геополитических установок, навыков, интереса к политике, политической идентификации и политической эффективности (*здесь и далее значимые значения коэффициентов выделены жирным шрифтом*). Если проанализировать влияние факторов в отдельно взятой модели социальных расколов, то прослеживается негативное влияние факторов возраста и идеологического размежевания. Применяв показатель частичной корреляции (R) для упорядочения факторов по относительной силе этих переменных влияния на зависимую дихотомическую переменную, можно констатировать, что участие в акциях протеста в период Оранжевой революции было обусловлено региональной поляризацией, а именно принадлежностью к Западно-Центральному региону ($0,350^{***}$)¹, позитивным отношением к вступлению Украины в Европейский Союз ($0,225^{***}$), интересом к политике ($0,196^{***}$), субъективной политической эффективностью ($0,189^{***}$), политической идентификацией ($0,188^{***}$) и навыками ($0,147^{***}$).

Рассмотрим влияние факторов на неконвенциональные общественно-политические практики по данным массива 2006 года (см. табл. 3). Построение уравнения бинарной логистической регрессии влияния всех факторов в целом на зависимую дихотомическую переменную участия в неконвенциональных общественно-политических практиках продемонстрировало невысокое значение показателя Nagelkerke R Square ($0,145$). То есть доля влияния всех предикторов модели на дисперсию зависимой переменной, которое можно объяснить при помощи логистической регрессии, составляет 14,5%.

Такая доля недостаточна, чтобы считать построенную модель прогностической. Попытка улучшить модель путем привлечения дополнительных переменных успеха не принесла. Очевидно, существуют какие-то другие, не известные нам факторы неконвенциональных общественно-политических практик. Следовательно, этот факт требует в дальнейшем углубленных теоретических разработок для формирования более адекватного инструментария исследования. Однако для проверки выдвинутых гипотез в отношении факторов влияния на зависимую переменную мне пришлось воспользоваться имеющейся долей влияния. Если проанализировать влияние каждой модели отдельно, то в этом случае однозначно более влиятельными являются факторы модели гражданского волонтаризма, объясняющей 14% доли влияния предикторов модели, тогда как модель социальных расколов объясняет только 3,7% доли влияния на дисперсию зависимой переменной.

Обнаружено, что из всех факторов, включенных в обе модели, на зависимую переменную влияют показатели европейских геополитических установок, участие в приватизационных процессах, наличие навыков, чувство гражданского долга и политической эффективности. Применяв показатель частичной корреляции (R) для упорядочения факторов по относительной силе этих переменных влияния на зависимую дихотомическую переменную, можно констатировать, что участие в неконвенциональных общественно-политических практиках обусловлено навыками ($0,213^{***}$), полити-

¹ *Примечание.* * — значимость на уровне 0,05; ** — значимость на уровне 0,01; *** — значимость на уровне 0,001.

ческой эффективностью (0,191***), проевропейскими геополитическими установками (0,103***), чувством гражданского долга (0,101***) и участием в приватизационных процессах 0,073**).

Таблица 3

Логистическая регрессия для зависимой переменной участия в неконвенциональных общественно-политических мероприятиях, 2006

Факторы	ВСЕГО		Модель социальных расколов		Модель гражданского волонтаризма	
	<i>B</i>	<i>Sig.</i>	<i>B</i>	<i>Sig.</i>	<i>B</i>	<i>Sig.</i>
Город/село	0,266	0,193	0,355	0,054		
Региональная поляризация (2004)	-0,097	0,719	-0,077	0,758		
Национальность	-0,012	0,964	0,006	0,981		
Родной язык	-0,335	0,141	-0,242	0,251		
Евразийские геополитические установки	-0,177	0,320	-0,223	0,169		
Европейские геополитические установки	0,436	0,013	0,610	0,000		
Идеологическое размежевание	-0,086	0,530	-0,216	0,080		
Возраст	-0,003	0,653			-0,005	0,341
Образование	0,024	0,712			0,069	0,244
Доход	0,000	0,337			0,000	0,520
Наличие работы	0,230	0,243			0,245	0,170
Участие в приватизационных процессах	0,531	0,019			0,469	0,018
Навыки	1,885	0,000			2,129	0,000
Чувство гражданского долга	0,224	0,021			0,226	0,008
Политическая идентификация	0,301	0,245			0,358	0,119
Политическая эффективность	0,843	0,000			0,932	0,000
<i>Constant</i>	-3,275	0,000	-1,018	0,013	-4,019	0,000
<i>Nagelkerke R Square</i>	0,145		0,037		0,140	

Рассмотрим влияние моделей на неконвенциональные общественно-политические практики по данным массива 2007 года (см. табл. 4). Построение уравнения бинарной логистической регрессии влияния всех факторов в целом на зависимую дихотомическую переменную участия в неконвенциональных общественно-политических практиках, как и в предыдущем случае, выявило невысокое значение показателя Nagelkerke R Square (0,199). То есть доля влияния на дисперсию зависимой переменной составляет 19,9%.

Таблица 4

Логистическая регрессия для зависимой переменной участия в неконвенциональных общественно-политических мероприятиях, 2007

Факторы	ВСЕГО		Модель социальных расколов		Модель гражданского волонтаризма	
	<i>B</i>	<i>Sig.</i>	<i>B</i>	<i>Sig.</i>	<i>B</i>	<i>Sig.</i>
Город/село	0,103	0,780	0,377	0,252		
Региональная поляризация (2004)	0,478	0,209	0,266	0,437		
Национальность	-0,205	0,674	-0,149	0,714		
Родной язык	0,038	0,938	0,062	0,880		
Статус русского языка	-0,160	0,225	-0,160	0,169		
Евразийские геополитические установки	-0,159	0,535	-0,198	0,366		
Европейские геополитические установки	-0,049	0,837	-0,068	0,730		
Идеологическое размежевание	-0,281	0,509	-0,393	0,247		
Возраст	0,000	0,963			0,000	0,995
Образование	0,282	0,022			0,027	0,717
Доход	0,000	0,111			0,000	0,303
Наличие работы	-2,297	0,000			-0,751	0,028
Навыки	2,709	0,004			1,402	0,009
Интерес к политике	1,060	0,001			0,667	0,000
Политическая идентификация	0,041	0,923			0,986	0,000
<i>Constant</i>	-1,793	0,234	-0,053	0,609	-3,906	0,000
<i>Nagelkerke R Square</i>	0,199		0,021		0,092	

Для проверки выдвинутых гипотез, касающихся факторов влияния на зависимую переменную я должен воспользоваться имеющейся долей влияния. Однако построение уравнения бинарной логистической регрессии влияния факторов обеих моделей отдельно обнаружило, что каждый тип факторов объясняет мизерную долю влияния: модель социальных расколов объясняет всего 2,1% доли влияния, модель гражданского волонтаризма объясняет 9,2% доли влияния. Учитывая мизерность долей влияния, следует, тем не менее, отметить, что имеющаяся тенденция свидетельствует об определенном преобладании влиятельности факторов модели гражданского волонтаризма.

Выявлено, что среди всех факторов, которые вошли в обе модели, позитивно влияют на зависимую переменную показатели образования, навыков и интереса к политике. При этом переменная наличия работы оказывает негативное влияние, то есть существует вероятность того, что отсутствие работы обуславливает неконвенциональные практики. Однако, используя

показатель частичной корреляции (R) для упорядочения факторов по относительной силе этих переменных влияния на зависимую дихотомическую переменную, можно констатировать, что участие в неконвенциональных общественно-политических практиках обусловлено прежде всего интересом к политике (0,130***), навыками (0,105***), образованием (0,060**) и отсутствием работы ($-0,057^*$).

Снижение участия населения Украины в протестных практиках в 2009 году существенно отразилось на результатах анализа детерминант неконвенциональных практик (см. табл. 5). Построение уравнения бинарной логистической регрессии влияния обеих моделей на зависимую дихотомическую переменную протестных практик опять-таки продемонстрировало невысокое значение показателя Nagelkerke R Square (0,158). То есть доля влияния указанных факторов, которую можно объяснить при помощи логистической регрессии, составляет 15,8%.

Таблица 5

Логистическая регрессия для зависимой переменной участия в неконвенциональных общественно-политических мероприятиях, 2009

Факторы	ВСЕГО		Модель социальных расколов		Модель гражданского волонтаризма	
	<i>B</i>	<i>Sig.</i>	<i>B</i>	<i>Sig.</i>	<i>B</i>	<i>Sig.</i>
Город/село	1,016	0,030	0,996	0,010		
Региональная поляризация (2004)	0,745	0,085	0,707	0,070		
Национальность	-0,560	0,229	-0,533	0,205		
Родной язык	-0,006	0,991	-0,102	0,821		
Статус русского языка	0,368	0,390	0,681	0,082		
Евразийские геополитические установки	0,158	0,531	-0,159	0,485		
Европейские геополитические установки	0,017	0,940	0,057	0,778		
Идеологическое размежевание	-0,388	0,344	-0,253	0,500		
Возраст	-0,005	0,659			0,004	0,550
Образование	0,078	0,550			0,038	0,620
Доход	0,133	0,409			0,065	0,461
Наличие работы	0,149	0,693			0,148	0,495
Участие в приватизационных процессах	0,370	0,441			0,199	0,368
Интерес к политике	0,424	0,189			0,386	0,033
Чувство гражданского долга	0,279	0,148			0,253	0,014
Политическая идентификация	0,402	0,036			0,141	0,195
Политическая эффективность	0,202	0,351			0,346	0,009
<i>Constant</i>	-6,941	0,009	-2,629	0,005	-5,478	0,000
<i>Nagelkerke R Square</i>	<i>0,158</i>		<i>0,077</i>		<i>0,051</i>	

Анализ влияния каждой модели отдельно практически не обнаружил существенного преобладания: модель социальных расколов объясняет 7,7% доли влияния на дисперсию зависимой переменной, модель гражданского волонтаризма — 5,1%. Подавляющее большинство факторов, включенных в уравнение бинарной логистической регрессии ни в одном случае не оказывают статистически значимого влияния на общественно-политические практики. Зафиксировано влияние только двух факторов — поселенческого распределения и политической идентификации. То есть проживание в городе и политическая идентификация с определенной политической силой способствуют протестным практикам. Однако низкие уровни частичной корреляции этих двух факторов с переменной участия в неконвенциональных мероприятиях — соответственно $R = 0,052^{**}$ и $R = 0,072^{***}$ — не дают оснований констатировать их решающую роль.

Выводы

Можно констатировать, что после гражданской активности периода Оранжевой революции, вызванной региональными и геополитическими расколами, протестные практики в дальнейшем обуславливались преимущественно ресурсными и социально-психологическими стимулами. Вместе с тем зафиксированное в 2009 году мизерное влияние каждой модели и невлиятельность подавляющего большинства предикторов наталкивают на предположение, что уменьшение доли протестных практик в украинском обществе связано с влиянием финансового кризиса на гражданскую активность. Можно предположить, что финансовый кризис нивелировал имеющиеся социальные ресурсы активных граждан и переориентировал их с ценностей политической эффективности на необходимость экономического выживания и адаптации к новым социально-экономическим условиям. Однако эти предположения требуют дополнительных исследований. Вместе с тем результаты анализа показали, что ценностно-мировоззренческое расхождение украинского общества не сказалось на протестном поведении. Это может служить объяснением феномена отсутствия серьезных социальных конфликтов.

Приложение 1

Независимые переменные, использованные в массиве “Украинское общество–2005”

Город/село: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал свое место жительства в городе, и значение 0 — для тех, кто указал свое место жительства в селе.

Региональная поляризация (2004): фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал свое место жительства в Западно-Центральном регионе (Винницкая, Волынская, Житомирская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Киевская, Кировоградская, Львовская, Полтавская, Ривненская, Сумская, Тернопольская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая, Черниговская области и г. Киев), и значение 0 — для тех, кто указал свое место жительства в Юго-Восточном регионе

(АР Крым, Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская, Николаевская, Одесская, Харьковская, Херсонская области).

Национальность: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает себя этническим украинцем, и значение 0 — для тех, кто определил себя как русского.

Родной язык: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал в качестве родного украинский язык, и значение 0 — для тех, кто назвал родным русский язык.

Статус русского языка: измеренный на основании вопроса “Считаете ли Вы необходимым предоставление русскому языку статуса официально в Украине?” с возможными вариантами ответа “1 — нет; 2 — трудно сказать; 3 — да”.

Евразийские геополитические установки: измеряются на основании вопроса “Как Вы относитесь к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси?” с возможными вариантами ответа “1 — скорее отрицательно; 2 — трудно сказать; 3 — скорее положительно”.

Европейские геополитические установки: измеряются на основании вопроса “Как Вы относитесь ко вступлению Украины в Европейский Союз?” с возможными вариантами ответа “1 — скорее отрицательно; 2 — трудно сказать; 3 — скорее положительно”.

Идеологическое размежевание: переменная, принимающая значение 1 для тех, кто поддерживает сторонников социализма, и значение 0 — для тех, кто поддерживает сторонников капитализма.

Возраст: измеряется как количество полных лет жизни.

Образование: с возможными вариантами ответа “1 — начальное, неполное среднее; 2 — среднее общее; 3 — среднее специальное (техникум, училище, колледж); 4 — первая степень высшего образования (бакалавр); 5 — полное высшее образование (специалист, магистр, аспирантура, ученая степень)”.

Доход: измеряется размером заработной платы (стипендии, пенсии) за последний месяц (в грн).

Наличие работы: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто работает в определенных секторах экономики, и значение 0 — для тех, кто не имеет работы.

Навыки: аддитивный индекс, построенный путем вычисления среднего арифметического значений перечня занятий в свободное от основной и домашней работы время (“работа по совместительству, дополнительная подработка”, “общественная работа”, “посещение курсов, кружков, студий”, “занятия с компьютером (поиск информации, игры, создание программ и т.п.)”).

Интерес к политике: измеренный на основании вопроса “В какой мере Вас интересует политика?” с возможными вариантами ответа “1 — совсем не интересует; 2 — в определенной мере интересует; 3 — очень интересует”.

Политическая идентификация: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал в перечне конкретное по-

литическое течение, отвечая на вопрос “В политическом спектре обычно выделяются более или менее самостоятельные течения. Ниже приведено несколько таких течений. Выберите, пожалуйста, одно из них, которое Вам ближе всего”, и значение 0 — для тех, кто не определился.

Политическая эффективность: измеряется на основании вопроса “Если бы Правительство Украины приняло решение, ущемляющее Ваши законные права и интересы, могли ли бы Вы что-то сделать против такого решения?” с возможными вариантами ответа “1 — нет, ничего не смог бы сделать; 2 — трудно сказать; 3 — да, смог бы что-то сделать”.

Приложение 2

Независимые переменные, использованные в массиве опроса “Общественное мнение в Украине—2006”

Город/село: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал свое место жительства в городе, и значение 0 — для тех, кто указал свое место жительства в селе.

Региональная поляризация (2004): фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал свое место жительства в Западно-Центральном регионе (Винницкая, Волынская, Житомирская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Киевская, Кировоградская, Львовская, Полтавская, Ривненская, Сумская, Тернопольская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая, Черниговская области и г. Киев), и значение 0 — для тех, кто указал свое место жительства в Юго-Восточном регионе (АР Крым, Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская, Николаевская, Одесская, Харьковская, Херсонская области).

Национальность: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает себя этническим украинцем, и значение 0 — для тех, кто определил себя как русского.

Родной язык: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал в качестве родного украинский язык, и значение 0 — для тех, кто назвал родным русский язык.

Евразийские геополитические установки: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает целесообразным вхождение Украины в Единое экономическое пространство (блока стран России, Беларуси, Казахстана, Узбекистана), и значение 0 — для тех, кто считает такой шаг нецелесообразным.

Европейские геополитические установки: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает целесообразным вхождение Украины в Европейский Союз, и значение 0 — для тех, кто считает такой шаг нецелесообразным.

Идеологическое размежевание: измеряется на основе вопроса “Какой должна быть экономика Украины?” с возможными вариантами ответа “1 — экономику полностью регулирует рынок; 2 — экономику регулируют и рынок и государство; 3 — экономику полностью регулирует государство”.

Возраст: измерен как количество полных лет жизни.

Образование: с возможными вариантами ответа “1 — начальное, неполное среднее; 2 — среднее общее; 3 — среднее специальное (техникум, училище, колледж); 4 — первая степень высшего образования (бакалавр); 5 — полное высшее образование (специалист, магистр, аспирантура, ученая степень)”.

Доход: измеряется размером заработной платы (стипендии, пенсии) за последний месяц (в грн).

Наличие работы: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто работает в определенных секторах экономики, и значение 0 — для тех, кто не имеет работы.

Участие в приватизационных процессах: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто участвовал хотя бы в одном приватизационном мероприятии, и значение 0 — для тех, кто ни в одном из таких мероприятий не участвовал.

Навыки: аддитивный индекс, построенный путем вычисления среднего арифметического значений перечня занятий в свободное от основной и домашней работы время (“обучение (учеба на вечернем или заочном отделении учебных заведений, на курсах и т.п.)”, “работа по совместительству, подработка”, “общественная работа (участие в акциях партий, профсоюзов, общественных организаций, движений, волонтерская работа и т.п.)”, “работа на компьютере (набор текстов, выполнение заданий, чтение, просмотр фильмов, прослушивание музыки, игры, пользование Интернетом и т.п.)”).

Чувство гражданского долга: аддитивный индекс, построенный путем вычисления среднего арифметического значений степени важности для респондента “возможности высказывать мнения по политическим и другим вопросам, не опасаясь за личную свободу”, “возможности критики и демократического контроля решений властных структур”, “участия в деятельности политических партий и общественных организаций”.

Политическая идентификация: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто принимал участие в выборах Верховной Рады Украины 26 марта 2006 года, и значение 0 — для тех, кто не участвовал в них.

Политическая эффективность: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает, что у него есть возможность контролировать деятельность центральных и местных органов власти, и значение 0 — для тех, кто считает, что такой возможности у него нет.

Приложение 3

Независимые переменные, использованные в массиве омнибуса “Общественное мнение в Украине–2007”

Город/село: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал свое место жительства в городе, и значение 0 — для тех, кто указал свое место жительства в селе.

Региональная поляризация (2004): фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал свое место жительства в Западно-Центральном регионе (Винницкая, Волынская, Житомирская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Киевская, Кировоградская, Львовская, Полтавская, Ривненская, Сумская, Тернопольская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая, Черниговская области и г. Киев), и значение 0 — для тех, кто указал свое место жительства в Юго-Восточном регионе (АР Крым, Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская, Николаевская, Одесская, Харьковская, Херсонская области).

Национальность: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает себя этническим украинцем, и значение 0 — для тех, кто определил себя как русского.

Родной язык: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал в качестве родного украинский язык, и значение 0 — для тех, кто назвал родным русский язык.

Статус русского языка: измеряется на основании отношения к суждению “Русскому языку нужно предоставить статус второго государственного в Украине” с возможными вариантами ответа “1 — полностью одобряю; 2 — в основном одобряю; 3 — трудно сказать; 4 — в основном не одобряю; 5 — совсем не одобряю”.

Евразийские геополитические установки: измеряются на основании вопроса “Как Вы относитесь к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси?” с возможными вариантами ответа “1 — скорее отрицательно; 2 — трудно сказать; 3 — скорее положительно”.

Европейские геополитические установки: измеряются на основании вопроса “Как Вы относитесь к вступлению Украины в Европейский Союз?” с возможными вариантами ответа “1 — скорее отрицательно; 2 — трудно сказать; 3 — скорее положительно”.

Идеологическое размежевание: переменная, принимающая значение 1 для тех, кто поддерживает сторонников социализма, и значение 0 — для тех, кто поддерживает сторонников капитализма.

Возраст: измерен как количество полных лет жизни.

Образование: с возможными вариантами ответа “1 — начальное, неполное среднее; 2 — среднее общее; 3 — среднее специальное (техникум, училище, колледж); 4 — первая степень высшего образования (бакалавр); 5 — полное высшее образование (специалист, магистр, аспирантура, ученая степень)”.

Доход: измерен размером заработной платы (стипендии, пенсии) за последний месяц (в грн).

Наличие работы: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто работает в определенных секторах экономики, и значение 0 — для тех, кто не имеет работы.

Навыки: аддитивный индекс, построенный путем вычисления среднего арифметического значений перечня занятий в свободное от основной и домашней работы время (“обучение на вечернем или заочном отделении учебных заведений, на курсах и т.п.”, “работа по совместительству,

дополнительный заработок”, “общественная работа (участие в акциях партий, профсоюзов, общественных организаций, движений, волонтерская работа и т.п.)”, “работа на компьютере (набор текстов, выполнение заданий, чтение, просмотр фильмов, прослушивание музыки, игры, пользование Интернетом и т.п.)”).

Интерес к политике: измеряется на основании вопроса “В какой мере Вас интересует политика?” с возможными вариантами ответа “1 — совсем не интересует; 2 — в определенной мере интересует; 3 — очень интересует”.

Политическая идентификация: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал в перечне конкретное политическое течение, отвечая на вопрос “В политическом спектре обычно выделяют отдельные более или менее самостоятельные течения. Ниже приведено несколько таких течений. Выберите, пожалуйста, одно из них, которое Вам ближе всего”, и значение 0 — для тех, кто не определился.

Приложение 4

Независимые переменные, использованные в массиве омнибуса “Общественное мнение в Украине–2009”

Город/село: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал свое место жительства в городе, и значение 0 — для тех, кто указал свое место жительства в селе.

Региональная поляризация (2004): фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал свое место жительства в Западно-Центральном регионе (Винницкая, Волынская, Житомирская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Киевская, Кировоградская, Львовская, Полтавская, Ривненская, Сумская, Тернопольская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая, Черниговская области и г. Киев), и значение 0 — для тех, кто указал свое место жительства в Юго-Восточном регионе (АР Крым, Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская, Николаевская, Одесская, Харьковская, Херсонская области).

Национальность: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает себя этническим украинцем, и значение 0 — для тех, кто определил себя как русского.

Родной язык: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал в качестве родного украинский язык, и значение 0 — для тех, кто назвал родным русский язык.

Статус русского языка: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал, что лично готов отстаивать предоставление официального статуса русскому языку, и значение 0 — для тех, кто этого не указал.

Евразийские геополитические установки: измеряются на основании вопроса “Как Вы относитесь к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси?” с возможными вариантами ответа “1 — скорее отрицательно; 2 — трудно сказать; 3 — скорее положительно”.

Европейские геополитические установки: измеряются на основании вопроса “Как Вы относитесь ко вступлению Украины в Европейский Союз?” с возможными вариантами ответа “1 — скорее отрицательно; 2 — трудно сказать; 3 — скорее положительно”.

Идеологическое размежевание: переменная, принимающая значение 1 для тех, кто поддерживает сторонников социализма, и значение 0 — для тех, кто поддерживает сторонников капитализма.

Возраст: измеряется как количество полных лет жизни.

Образование: с возможными вариантами ответа “1 — начальное, неполное среднее; 2 — среднее общее; 3 — среднее специальное (техникум, училище, колледж); 4 — первая степень высшего образования (бакалавр); 5 — полное высшее образование (специалист, магистр, аспирантура, ученая степень)”.

Доход: измеряется на основании вопроса “Среднедушевой доход на каждого из членов Вашей семьи по сравнению с прожиточным минимумом... *(напоминаем, что этот минимум сейчас составляет 607 грн)*” с возможными вариантами ответа “1 — фактически ниже прожиточного минимума; 2 — такой или почти такой, как установленный прожиточный минимум; 3 — немного выше установленного прожиточного минимума; 4 — по сравнению с прожиточным минимумом высокий; 5 — намного выше прожиточного минимума”.

Наличие работы: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто работает в определенных секторах экономики, и значение 0 — для тех, кто не имеет работы.

Участие в приватизационных процессах: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто участвовал хотя бы в одном приватизационном мероприятии, и значение 0 — для тех, кто ни в одном из таких мероприятий участия не принимал.

Интерес к политике: измеряется на основании вопроса “В какой мере Вас интересует политика?” с возможными вариантами ответа “1 — совсем не интересует; 2 — в определенной мере интересует; 3 — очень интересует”.

Чувство гражданского долга: аддитивный индекс, построенный путем вычисления среднего арифметического значений степени важности для респондента “возможности высказывать мнения по политическим и другим вопросам, не опасаясь за личную свободу”, “возможности критики и демократического контроля решений властных структур”, “участия в деятельности политических партий и общественных организаций”.

Политическая идентификация: измеряется на основании вопроса “Есть ли в стране такая политическая партия (блок), которая близка Вам по идеологическим и программным целям?” с возможными вариантами ответа “1 — нет; 2 — трудно сказать; 3 — такая партия есть”.

Политическая эффективность: фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает, что у них есть возможность контролировать деятельность центральных и местных органов власти, и значение 0 — для тех, кто считает, что такой возможности у них нет.

Литература

- Бекешкіна І.* Громадська думка щодо готовності населення до соціального протесту // Політичний портрет України. — 1993. — № 4. — С. 14–23.
- Бекешкіна І.* Конфліктологічний підхід до сучасної ситуації в Україні. — К., 1994.
- Верба С.* Представницька демократія і демократичні громадяни: філософське та емпіричне розуміння // Демократія : Антологія. — К., 2005. — С. 943–982.
- Головаха Е.І., Панина Н.В.* Потенціал протеста українського общества // Социологические исследования. — 1999. — № 10. — С. 31–40.
- Головаха Є., Горбачик А.* Соціальні зміни в Україні та Європі: за результатами “Європейського соціального дослідження”. 2005–2007 роки. — К., 2008.
- Головаха Е., Панина Н.* Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до “оранжевой революции” // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 3. — С. 32–51.
- Головаха Є., Панина Н.* Українське суспільство 1992–2008: Соціологічний моніторинг. — К., 2008.
- Головаха Е.І.* Трансформуючеся общество. Опыт социологического мониторинга в Украине. — К., 1996.
- Головаха Є.І., Панина Н.В.* Готовність до соціального протесту: динаміка, регіональні особливості і чинники формування // Українське суспільство: десять років незалежності (соціологічний моніторинг та коментар науковців). — К., 2001. — С.188–200.
- Горбачик А.П., Сальникова С.А.* Аналіз даних соціологічних досліджень засобами SPSS : Навчальний посібник. — Луцьк, 2008.
- Колодій А.* Український регіоналізм як стан культурно-політичної поляризованості // Агора. Україна — регіональний вимір. Вип. 3. — К., 2006. — С. 69–91.
- Макеєв С.* Поселенська стратифікація життєвих шансів // Українське суспільство 1994–2006: моніторинг соціальних змін. — К., 2006. — С. 56–61.
- Мищенко М., Буров І.* Соціальні аспекти приватизаційних процесів в Україні. — К., 1998.
- Небоженко В.С.* Соціальна напруженість і конфлікти в українському суспільстві. — К., 1994.
- Общественное мнение и власть: механизм взаимодействия / А.А.Ручка, В.Л.Оссовский, В.А.Матусевич и др. — К., 1993.
- Оксамитна С.М., Хмелько В.Є.* Регіональний поділ України на президентських виборах 2004: гендерні, вікові та освітні відмінності електоральних переваг // Наукові записки. Національний університет “Киево-Могилянська академія”. — Т. 46: Соціологічні науки. — К., 2005. — С. 3–10.
- Оссовський В.Л.* Активність трудящих в управлінні виробництвом. (Досвід конкретно-соціологічного дослідження). — К., 1973.
- Панина Н.В.* Готовность населения к различным формам социального протеста // Политическая культура населения Украины (результаты социологических исследований). — К., 1993. — С. 42–51.
- Піддубний В.* Поселенський статус як чинник соціального комфорту // Українське суспільство 1994–2005. Динаміка соціальних змін. — К., 2005. — С. 273–283.
- Резнік О.* Соціально-політичні передумови феномену Помаранчевої революції // Політичний портрет України. — 2005. — № 33. — С. 5–14.
- Ручка А.* Динаміка ціннісних пріоритетів громадян України // Українське суспільство 1994–2004: моніторинг соціальних змін. — К., 2004. — С. 416–427.
- Симончук О.* Помаранчева революція: повстання середнього класу? Так! За даними моніторингу // Українське суспільство 1994–2005: моніторинг соціальних змін. — К., 2005. — С. 62–71.
- Смелзер Н.Дж.* Проблеми соціології. Георг-Зімельівські лекції, 1995. — Львів, 2003.

Сподівання на іншу Україну. Президентські вибори–2004 та навколо них: думки, настрої, оцінки людей / За ред. С.Макеєва. — К., 2005.

Стегній О. Регіональні особливості розвитку політичної культури українського суспільства // Українське суспільство 1994–2004: моніторинг соціальних змін. — К., 2004. — С. 243–253.

Сусаєк В.І. Патерналістські установки і практики громадян України в умовах посткомуністичних трансформацій : Дис. ... канд. соціол. наук. — К., 2009.

Тамаш П. Массовые выступления на городских улицах как жанр политического карнавала: возможное толкование событий ноября–декабря 2004 года в Киеве // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 1. — С. 5–17.

Хмелько В. Через що політикам вдається розколювати Україну // Дзеркало тижня. — 2006. — 24–30 червня. — № 24 (603).

Dahl R.A. Who Governs? Democracy and Power in an American City. — New Haven; L., 1961.

Deegan-Krause K. New Dimensions of Political Cleavage // The Oxford Handbook of Political Behavior / Ed. by R.J.Dalton, H.–D.Klingemann. — Oxford, 2007. — P. 538–556.

Jenkins J.C. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements // Annual Review of Sociology. — 1983. — Vol. 9. — P. 527–553.

Kriesi H.P., Koopmans R., Duyvendak J.W., Giugni M.G. New Social Movements in Western Europe. — L., 1995.

Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments // Lipset S.M. Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology. — New Brunswick, 1985. — P. 113–186.

McCarthy J.D., Zald M.N. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // American Journal of Sociology. — 1977. — Vol. 82 (May). — № 6. — P. 1212–1241.

Milbrath L., Klein W. Personality Correlates of Political Participation // Acta Sociologica. — 1962. — Vol. 6. — № 1. — P. 53–65.

Renshon S. Psychological Needs and Political Behavior: A Theory of Personality and Political Efficacy. — N.Y., 1974.

Verba S., Nie N.H., Kim J. Participation and Political Equality: A Seven-nation Comparison. — Chicago IL, 1979.

Verba S., Schlozman K.L., Brady H.E. Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics. — Cambridge, 1995.